

СЕРГЕЙ ЗУБ

КОЖЕВНИКИ

Сердце повествователя

Сергей Зуб

**Кожевники. Сердце
повествователя**

«Автор»

2025

Зуб С.

Кожевники. Сердце повествователя / С. Зуб — «Автор», 2025

Когда реальность становится черновиком, кто осмелится взять перо? Деревня Кожевники стерта, но её проклятие пустило корни в мегаполисе. Реальность деформирована: отражения врут, а Древний Орден бессилен. Над городом появился Рассказчик — сущность, которая не убивает, а редактирует саму жизнь, стремясь с помощью Медальона навсегда переписать историю человечества. Трое сломленных, но наделенных силой героев — Алексей (Слово), Ольга (Зеркало) и Игорь Костров (Кровь) — несут в себе последнюю защиту. Им предстоит спуститься в Некрополь, на самое дно забвения, чтобы вступить в войну смыслов и остановить Автора. Чтобы победить, они должны отказаться от человечности и стать хранителями. Это эпическая сага, где спасение мира может оказаться страшнее его гибели.

© Зуб С., 2025

© Автор, 2025

Сергей Зуб

Кожевники. Сердце повествователя

Пролог

Город жил как обычно. Люди торопились в метро, торговые центры шумели, в подземных переходах подростки бренчали на гитарах, а старухи продавали носки ручной вязки, пахнущие камфорой и табаком. Вечером воздух был густой, тяжёлый, пахло бензином и снегом, которого не хватало, чтобы стать белым. Никто не смотрел по сторонам дольше, чем на секунду. Никто не хотел ничего видеть – кроме собственных отражений в экранах телефонов. И только эти отражения иногда начинали жить сами по себе.

Молодой таксист Денис сидел в машине на стоянке, ковырялся в телефоне и пил холодный кофе из бумажного стаканчика. Заказы не шли, он злился, что у конкурентов, у этих жёлтых такси Яндекс, всё работает быстрее. В зеркале заднего вида отражался пустой салон. Он заметил, что отражение стало темнее, чем сама машина. Денис дёрнулся, глянул через плечо – пусто, конечно. Усмехнулся. Нервы. Когда снова посмотрел в зеркало, увидел там себя. Но глаза были белыми. Денис резко опустил голову вниз, уткнулся в руль, выругался и включил радио. Музыка заиграла, привычная, пустая. Когда поднял глаза, отражение смотрело прямо на него, и губы его отражения шевелились. Он не слышал слов, но почувствовал их у себя в голове, как будто кто-то читал чужую книгу в его памяти. Сначала обрывки: старая деревня, кресты, кровь, глаза в зеркале. Потом яснее: «Он сказал – и они умерли. Она посмотрела – и они исчезли».

Денис резко хлопнул дверцей, выскочил на холодный воздух. Мороз щипал лицо, люди шли мимо, никто не обращал внимания. В витрине круглосуточного ларька он увидел своё отражение. Оно задержалось на полсекунды дольше, чем он сам. И улыбнулось. Денис пошёл по улице быстрее, потом почти побежал. Голоса внутри головы продолжали шептать. Он закрывал уши, но они не смолкали. История звучала сама собой. Он споткнулся на ступенях подземного перехода и свалился вниз, бумаги из кармана, мелочь, ключи вылетели и разлетелись по грязному полу.

Люди подошли, но, когда его перевернули, глаза были уже белыми, как снег. Толпа загудела: эпилепсия? инфаркт? Но в стекле над лестницей отражение Дениса всё ещё стояло, шевеля губами и глядя на них. Никто не заметил, кроме одного человека в длинном пальто. Его лицо невозможно было запомнить: смотришь и тут же забываешь. Он задержался у стекла, слушал отражение. Потом кивнул и ушёл.

Где-то глубже, в чёрных зеркалах метро, Ольга и Алексей остановились. Алексей сказал: –Он умер.

Ольга ответила:

–Нет. Он рассказал

Они оба почувствовали: история вышла из-под их контроля. Кто-то третий вплёлся в их силу.

И шёпот вернулся: «Это только начало».

Тело Дениса увезли в чёрном мешке. Толпа быстро разошлась: у каждого свои дела, свои маршруты. Только пара мальчишек задержалась, один снял всё на телефон. На видео было видно, как девушка в красной куртке, помогавшая скорой, смотрит в сторону витрины и моргает чаще, чем нужно. Ей показалось, что отражение Дениса всё ещё там. Ей показалось – или это было правдой.

Видео выложили в сеть, и наутро его уже обсуждали. Одни смеялись, другие писали про очередную «эпилепсию», кто-то говорил про наркотики. Никто не верил, но тысячи людей посмотрели это отражение. И каждый унес с собой частицу рассказа, хотя никто не заметил, что именно.

На другой день в старой квартире на Мира 45 пахло дешёвым кофе и только заработавшими батареями отопления, которые непривычно гудели, просыпаясь после летней спячки. Майор в отставке Игорь Костров сидел у окна и курил, стряхивая пепел в кружку. Он давно ушёл со службы, после пули в бедро, которая навсегда оставила хромоту. Жил скромно, перебивался консультациями для бывших коллег. Иногда помогал «по старой дружбе», чаще – от скуки. В его квартире не было лишнего: стол, два стула, старая радиотехника на полке, книги с загнутыми страницами и бутылка дешёвого коньяка, наполовину пустая.

Игорь не любил тишину, но и музыка раздражала. Поэтому жил в этом сером промежутке, где слышно только своё дыхание и стук собственного сердца, которое тоже иногда давало сбои. Он не считал себя несчастным. Просто жизнь кончилась там, в подвале, когда хрустнула кость, и горячая кровь залила сапог. С тех пор он жил не для себя – для того, чтобы «дотянуть».

Но привычка работать осталась. Телефон зазвонил.

– Игорь, здорово. Ты же недалеко от «Октября»? – голос капитана был усталым, раздражённым. – Тут парень, таксист, упал мёртвым прямо на улице. Вроде бы сердце. Но камеры сняли странное. Глянешь?

– Здорово, капитан. Хорошо, как раз на улицу выйти собирался, подышать.

– Лады, Серый с Олегом тебя там встретят.

Костров затушил окурок, взял куртку и вышел. На улице лёгкий мороз, не до конца растаявший снег чавкал под ногами. Он хромал, но шаг был уверенный. По дороге думал, что очередное дело закончится банально: наркотики, таблетки, сердце. Но он ещё не знал, что именно это происшествие станет для него дверью туда, где закон и логика больше не работают.

Он подошёл к своему старому Форду. Машина была далеко не новой, можно даже сказать очень далеко. Но Игорь не спешил с ней расставаться. Слишком много воспоминаний и много важных решений в его жизни было принято именно за рулём этого Форда.

Мотор привычно тихо заурчал, Игорь тщательно следил за машиной, и поэтому под капотом всегда всё было в порядке.

Люди спускались и поднимались из перехода ведущего к метро. В переходе, как и везде в таких местах в городе вдоль стены стояли круглосуточный ларьки. Двое знакомых оперов у витрины, спорили о чём-то шёпотом. Костров подошёл ближе. На стекле оставался след – не отпечаток, не пятно, а будто лёгкий туман, который двигался сам по себе. Он прищурился и на секунду показалось, что в этом мутном пятне проступает лицо. Белые глаза. Улыбка.

«Глюк, – сказал себе Игорь, – Глаза устали». Но когда он отвернулся, холод прошёл по спине. Странное чувство, такое же он испытал, когда шагнул тогда, в тот злополучный подвал, где плакал ребёнок и звал на помощь. Это потом он понял, что никакого ребёнка не было, играла запись, специально приготовленная для него, и он попал в эту ловушку. Он перешагивал через трубу отопления, обшитую стекловатой, когда прозвучал выстрел. Пуля попала в его занесённую над трубой ногу... Падая, он выстрелил в сторону от куда как ему показалось стреляли и потом уже лёжа он выстрелил ещё три раза... попал.

И вот сейчас тот же холод по спине... только сейчас он ни за кем не гнался и никого не преследовал.

– Ладно, поживём увидим – произнёс Игорь – поживём...

Глава 1

Костров приехал к переходу почти к девяти вечера. День к этому часу уже растворился в серой глубине неба, и фонари жгли свои жёлтые круги на асфальте, но света от них не прибавлялось. Воздух пах сыростью и бензином, откуда-то тянуло дымком горелой листвы. Дорога была в ухабах и лужах: первый снег, что выпал пару дней назад, уже растаял и превратился в грязь с коричневой пеной, которая теперь облепляла колёса машин и ботинки прохожих.

Лестница к подземке блестела мокрым камнем. Здесь, на ступенях, ещё держались следы крови – их кое-как присыпали реагентом, но тёмные разводы всё равно проступали сквозь грязь. По краям ступеней валялись липкие обрывки бумаги, слипшиеся в комки.

Возле ларька стояли двое: двое молодых оперов в промокших куртках. Олег и Сергей из его родного отдела. Они только пришли в отдел, когда он уже дорабатывал там. После ранения гоняться за злодеями было трудновато, а к бумажной работе тяги у него никогда не было. Но перед своим уходом, ему всё же удалось немного поработать с ними, и даже закрыть пару негодяев. В руках у Олега был блокнот, но писал он вяло, то и дело кутая руки в рукава.

– Ну что, Палыч, – сказал он, заметив Кострова. – Пришёл на свой страх и риск?

– На мой, как всегда, – буркнул Игорь, поправляя воротник старой куртки. Хромота усиливалась, когда сыро, и он это чувствовал каждой мышцей. – Давай рассказывай.

– Таксист, двадцать с небольшим. Шёл по лестнице, хлопнулся – и всё, – пожал плечами Олег. – Скорая сказала: «сердце». Но камеры... ну ты сам увидишь.

Костров кивнул, достал сигарету, закурил. Дым тут же слипся с сыростью и повис тягучей кислятиной. Он подошёл к ступеням, посмотрел на тёмные разводы. Крови было слишком много для «сердца». И капли тянулись не вниз, а будто в сторону, к витрине.

– Парни, – сказал он, – вы первые тут были?

– Мы, – сказал Сергей, шмыгая носом. – Народ сразу столпился, шум стоял. Тело – белое всё. Глаза... – он запнулся и отвернулся.

– Что глаза? – спокойно спросил Костров.

– Белые. Ну, совсем. Не зрачков. Я думал, мне померещилось, – и поспешно добавил: – Но врач потом сказал, что они закрыты были, когда его увозили.

Олег с удивлением посмотрел на напарника, хмыкнул:

– Да врёшь ты, Серый. Он ещё живой был, дёргался. Ты же сам говорил.

– Я? – выдохнул тот. —я такого не говорил.

Костров слушал их с каменным лицом. Ему нравились такие противоречия: значит, они оба что-то видели, но боятся признаться.

– Ладно, – сказал он. – Видео покажете.

Сергей полез в сумку, которая висела через плечо и достал планшет. Экран светился тускло, как будто не хотел показывать то, что хотели показать Кострову. На записи всё выглядело обычно: толпа, парень бежит, спотыкается, падает. Но потом, когда люди суетятся вокруг, в витрине ларька отражение продолжает двигаться. Чётко видно, как оно поворачивает голову, когда тело лежит неподвижно. Потом моргает. И растворяется, как не доснятый кадр.

Костров закурил снова. Дым обжёг лёгкие, и он кашлянул.

– Сколько человек видели это? – спросил он, не отрывая взгляда от экрана.

– Много, – сказал Сергей. – Но каждый по-своему рассказывает. Один клянётся, что пацан кричал какие-то слова. Другой – что тишина была мёртвая. Третья бабка сказала, что он успел ей улыбнуться, когда уже лежал.

– А ты что думаешь? – Костров повернулся к Олегу.

Олег задумался, бросил взгляд на Кострова потом отвёл глаза.

– Я думаю... я думаю, что мы зря сюда тебя позвали, Игорь Палыч. Такие дела лучше сразу забывать.

Костров усмехнулся уголком губ. Он любил именно такие дела. Они тянули в трясины, в которой ни один рапорт не поможет. И чем глубже было дерьмо, тем больше он чувствовал себя живым.

Он медленно обошёл витрину. Стекло всё ещё хранило лёгкий след – не отпечаток, не грязь. А что-то вроде тумана, который едва заметно двигался. И в какой-то миг Кострову показалось, что из глубины на него смотрят белые глаза. Он замер, затянулся и выдохнул прямо в стекло. Туман расплылся, исчез.

– Показалось, – сказал он, но сам себе не поверил.

Костров задержался у витрины дольше, чем следовало. Он понимал, что парни за его спиной уже переглядываются: мол, майор придуривается, ищет то, чего нет. Пусть. Он знал, что такое «не то». В прошлом это чувство спасало ему жизнь не раз. Когда заходишь в квартиру и видишь тапочки у порога, но запах другой – не домашний, не тот. Когда идёшь по подъезду и чувствуешь, что воздух держится плотнее, чем должен. Тогда он ещё доверял этим мелочам, и они выводили его живым из самых грязных передрыг. Потом пришла та пуля, что разнесла бедро, и врачи, и увольнение. И жизнь с тех пор стала другой: пустой, без запахов, без мелочей, без этих сигналов. Но сейчас всё вернулось.

Он стоял, глядя в стекло, и нутро шептало: «Убирайся». И в то же время: «Смотри дальше». Он закрыл глаза, втянул в лёгкие холодный воздух. За веками привычки не было ни мистики, ни суеверий – просто опыт. Но именно этот опыт говорил ему: парень умер не просто так.

Он выдохнул, обернулся к операм, они смотрели на него, как бы ожидая какого-то вердикта.

– Никому об этом не говорите. Составьте протокол так, будто обычное дело. Поняли?

– А вы? – спросил Олег.

– А я... – Костров усмехнулся и затушил окурки о стену. – Я пока посмотрю, что там за «сердце».

Он поднялся обратно по ступеням. Лужи на асфальте отражали жёлтый свет фонарей, и в каждой лужице отражение фонаря мигало, будто кто-то моргал снизу. Он шёл, глядя под ноги, и в какой-то момент заметил, что его отражение в луже делает шаг на долю секунды позже, чем он. Остановился, посмотрел вниз. Ничего. Просто грязная вода, плавающие окурки. Но мурашки пробежали по рукам.

В этот же час, в другой части города, Алексей сидел на подоконнике. Сигарета тлела между пальцами, дым лениво уходил в щель окна. За стеклом вечерняя улица была вся в бликах луж, в сером тумане. Ольга ходила по комнате, то и дело останавливалась и смотрела в зеркало шкафа.

– Ты тоже чувствуешь? – наконец сказала она.

Алексей кивнул. Голос Дарьи шевелился внутри, как волна. Не слова, а толчки. Предупреждение.

– Это не мы, – произнёс он тихо.

Ольга вздрогнула. Она знала, что он прав. Вчера она ещё могла думать, что всплески и искажения происходят из-за них, их силы, их близости. Но сейчас было иначе. В городе появился кто-то третий. Он говорил их словами. Он показывал их образы. Но это был не Алексей и не она.

Она подошла ближе, коснулась его руки. В тот же миг за окном лампа фонаря вспыхнула и погасла. Люди на остановке не обратили внимания. Только они двое увидели, как тьма в отражении стекла задержалась на секунду дольше, чем сама ночь.

– Это опаснее, чем Орден, – прошептала Ольга.

Алексей кивнул, не глядя на неё.

– Это хуже, чем мы сами.

Костров добрался до своей машины и сел, не включая зажигание. В салоне пахло табаком и мокрой кожей сидений. Он закрыл глаза и слушал. Тишина была слишком густой. Даже город, который никогда не молчал, будто затаил дыхание. Игорь ощутил, что эта тишина – не пустота, а присутствие. Кто-то смотрит. Кто-то рассказывает. Только не он. И не эти опера, что остались у ларька.

Он выругался, завёл мотор и тронулся, но взгляд всё равно упал на зеркало заднего вида. В салоне было пусто. Но отражение продолжало жить своей жизнью – как будто кто-то сидел на заднем сиденье. Игорь оглянулся. Пусто.

Трамвай застрял на перекрёстке, будто кто-то схватил его за невидимые цепи. Вагон гудел, искры вырывались из контактной сети, но колёса не двигались. Пассажиры переговаривались, кто-то ругался, кто-то снимал на телефон. И тут свет в салоне моргнул. Всего один раз. Этого хватило.

На видеозаписи, которую позже будут крутить по соцсетям, видно: мужчина в сером пальто сидит у окна, в руках пакет с продуктами. Свет моргнул – и он исчез. Пакет остался на сиденье. Люди вокруг кричали, вставали, жались к дверям. Кондуктор бормотал: «Да это... да это не может быть...» Но на стекле окна напротив ещё несколько секунд виднелось его отражение. Оно сидело, спокойно, даже улыбалось. А потом повернуло голову к тому, кто снимал. И телефон перегорел прямо в руках.

Костров об этом узнал спустя пару часов: позвонил знакомый из УВД, прислал ссылку с комментарием «глянь, Палыч, что у нас тут творится». Он включил запись и почувствовал, как что-то сжимает виски. То же чувство, что на лестнице подземки. Он выключил телефон, но ощущение не ушло. Он вытер ладонь о джинсы, как будто от этой липкой дрожи можно было избавиться.

Алексей тоже почувствовал. Сигарета в его пальцах погасла сама собой, хотя табак ещё был. Ольга вскрикнула, Зеркало на стене пошло трещинами, будто внутри кто-то бился наружу. Осколки посыпались на пол, но в отражении, даже в битых кусках, продолжало виднеться её лицо – только чужое, белоглазое.

– Он забирает их, – прошептала она.

– Нет, – ответил Алексей, и в его голосе впервые прозвучала ярость. – Он делает так, чтобы мы не смогли их забрать себе.

Город жил, но что-то в нём ломалось. Люди вечером стали реже смотреть друг другу в глаза. Кто-то замечал, что отражения запаздывают. Кто-то говорил о странных случаях в метро и трамваях. Но больше всех это чувствовал Костров. В глубине его старой привычки видеть то, что другие упускают, разгоралась искра. Он понимал: это только начало.

Он сидел в машине на обочине, курил и смотрел на город. Сырой ветер бил по стеклу, грязь с дороги разлеталась под колёсами проезжающих машин. Ночь обещала быть длинной. И он чувствовал, что в ней появятся новые тени.

Ночь опустилась на город незаметно, будто кто-то выключил свет сразу во всех окнах. Дома, улицы, вывески – всё стало плоским, серым, как рисунок на старой стенгазете. Алексей сидел у окна, курил, и видел, как сигарета тлеет неровным огнём. Дым поднимался в темноту, но в стекле отражение задерживалось, словно тень не спешила за своим хозяином.

Ольга ходила по комнате, босая, в тонкой майке, и каждый её шаг отзывался в зеркале шкафа чуть иначе, чем в самой комнате. Она замечала это краем глаза и старалась не смотреть прямо – но всё равно взгляд тянулся. Там, в отражении, она была какой-то другой: лицо чуть бледнее, волосы тяжелее, а глаза казались глубже, будто в них отражался не потолок, а чужое небо.

– Ты чувствуешь? Что-то происходит, и это явно делает не Орден, но кто? – спросила она тихо.

Алексей сидел молча, смотря в окно. Дарья шевельнулась внутри, её голос не был голосом, а скорее толчком, будто под сердцем проскочил удар. Он понял это так же ясно, как когда-то понял всю силу, которую ему передали по наследству.

– Если это немы, и не Орден – значит есть кто-то третий, и неизвестно сколько их вообще, – сказал он – это и пугает.

Ольга остановилась. Она ждала этого признания, но от слов стало холоднее. До вчерашнего дня она думала: вспышки, зеркала, трещины – всё это их вина. Они слишком связаны, слишком близко, и потому сила рвётся наружу. Но теперь... теперь рядом появился кто-то ещё.

Она подошла к нему, коснулась его ладони. В этот миг за окном фонарь мигнул и погас. Люди на остановке вздрогнули, но продолжили болтать и копаться в телефонах. Только они двое увидели, как в стекле остановочного павильона тьма задержалась дольше, чем ночь вокруг.

– Это хуже, чем Орден, – прошептала Ольга.

Алексей затаился, выдохнул и только сказал:

– Не поспоришь...

Они сидели так, молча, и каждый думал о своём. Их близость казалась чем-то двусмысленным: чем крепче они держались друг за друга, тем сильнее вырастали всплески. Любовь превращалась в порох – стоит искре коснуться, и всё вокруг вспыхнет.

Ночью им снова не удалось уснуть. Ольга ворочалась на кровати, слышала, как будто в глубине квартиры гремят цепи. Они не звенели вслух – она чувствовала их на коже, как холодные браслеты, и понимала: это не иллюзия. Алексей лежал рядом, но его дыхание сливалось с чьим-то ещё. Казалось, между ними поселился третий, и этот третий – молчаливый, но жадный.

В зеркале шкафа мелькнула тень. Сначала – смазанный силуэт, но потом он собрался в фигуру. Женщина. Длинные волосы, опущенные глаза. И голос – не её, не Дарьи, чужой. Ольга приподнялась, не веря собственным глазам, но фигура не исчезла.

– Кто ты? – прошептала она.

Ответа не было, только отражение пошевелилось и показало руку. На пальцах блеснуло что-то круглое, металлическое.

Ольга вздрогнула: это был медальон. Старый, потемневший, с резными линиями, похожими на трещины. Она не знала его, никогда не видела прежде – но сердце отозвалось так, будто этот предмет был важнее их обоих.

– Алексей, – позвала она.

Он сел, посмотрел в зеркало, и его глаза на миг стали пустыми, белыми, как у мёртвого. Потом зрачки вернулись, он тяжело выдохнул.

– Ты это видишь? – спросила она.

– Вижу, – сказал он.

– Что это значит?

– Хотел бы я знать...но не знаю, только чувствую, что без этого мы не остановим то, что пришло.

Он говорил тихо, но голос его был чужим – как будто Дарья подсказала слова через его рот.

Ольга прижалась к нему, но в голове уже шумело: если медальон существует, его нужно найти. И где-то там, за границей их сна и бодрствования, кто-то уже держал его в руках.

Ольга сидела рядом с ним, положив голову на плечо. Его тепло было настоящим, земным, но за этой обычной близостью что-то шевелилось, словно даже их дыхание принадлежало не только им двоим. Алексей коснулся её пальцев, и по коже сразу побежал холодный ток. Она отдернула руку, потом снова протянула – и ощутила то же самое. Это было похоже на поцелуй зимы, на прикосновение к льду, под которым бьётся река.

– Мне страшно. Я не хотела этой силы, но теперь мне придётся жить с этим, а вместе мы представляем угрозу, масштабов которой не понимаем до конца сами – сказала она, но голос её прозвучал так, будто она хотела сказать совсем другое.

– Не бойся, будем решать ребусы по мере их поступления. От дара, который нам дан избавится вряд ли получится, нам надо научиться с этим жить, хотя понимаю, что это будет совсем не просто. – ответил Алексей. – Всё остальное – лишь вопрос времени.

Он потянулся к ней, и она почувствовала, что воздух между ними стал гуще. Когда их губы встретились, зеркало шкафа треснуло тонкой паутинкой. Ольга дёрнулась, но Алексей не отпустил. Поцелуй был тяжёлым, с привкусом пепла, и в этот миг она услышала в голове голос Дарьи:

– Чем ближе вы, тем легче мне.

Она оттолкнула его и вскочила.

– Ты слышал? – её голос дрожал.

– Слышу всегда, – признался он. – Но если ты будешь всё время так реагировать, то скорее всего ничего хорошего не выйдет. Пора принять это как данное и учиться жить с этим. А если нет, то мы станем мёртвыми быстрее, чем ты думаешь.

Он встал, подошёл к ней, обнял, и на её плечо упала тень. Ольга обернулась – и увидела, что на стене их силуэтов трое. Она, он и ещё один – вытянутый, безликий, с пустыми глазами.

Она закрыла глаза и прижалась к нему крепче, как будто от этого тень исчезнет. Но в темноте стало только хуже: она почувствовала, что чужое дыхание касается её шеи.

– Алексей... – прошептала она.

– Я здесь, – сказал он.

– Нет, это не ты.

Он крепче прижал её к себе, и они упали на кровать. Его руки скользили по её телу, и каждая точка, к которой он прикасался, будто оживала и в то же время замирала в ледяной дрожи. Она хотела оттолкнуть его, но желание было сильнее страха.

Их тела переплелись, и с каждым движением комната отзывалась. В окне стекло покрылось инеем, будто пришла зима. На потолке появились пятна тени, похожие на руки, и они двигались в такт их дыханию.

Вдруг лампа мигнула и погасла. Комната осталась в темноте, но свет исходил от них самих: их кожа сияла бледным отблеском, словно отражение луны. Ольга всхлипнула, прикусив губу, а Алексей провёл пальцами по её лицу, и в этом прикосновении было и нежность, и угроза.

– Ты боишься меня? – спросил он.

– Боюсь не тебя. Боюсь того, что будет, если мы... – она не договорила, но он понял.

В этот миг на зеркале вспыхнул свет, и там они тоже были. Только не они: в отражении Ольга держала в руках нож, а Алексей – цепь, которой обвивал её шею. Их отражения улыбались, и улыбка была одинаковая – пустая, жестокая.

Ольга зажмурилась, прижалась к нему крепче, стараясь забыть, что видела. Но в глубине души понимала: чем сильнее она любит его, тем ближе становится к собственной гибели.

И всё же она не могла отойти. Любовь к нему была как болезнь, от которой невозможно вылечиться, даже зная, что она смертельна.

Алексей гладил её волосы и шептал:

– Пока мы вместе – это наш мир. Всё остальное неважно.

Но в его шёпоте звучал чужой оттенок, и Ольга знала: это не только он говорит. Это Дарья, это третья сила, это всё, что притаилось между ними.

И всё равно она прижалась к нему ещё крепче. Потому что страх и любовь шли рядом, как две сестры-близняшки, которых нельзя разделить.

Ночь держала их в комнате, будто сама не хотела отпускать. Ольга лежала на его груди, слушала, как сердце бьётся слишком быстро – не от страсти, а от напряжения. Она пыталась сосчитать удары, но между каждым пульсом ей слышался ещё один, чужой, будто под его рёбрами билось второе сердце.

– Ты слышишь, как бьётся твоё сердце? – спросила она.

– Слышу, – сказал он. – Это не моё.

Она не отстранилась. Вместо этого прижалась сильнее, словно хотела заглушить чужой ритм своим дыханием. Но от этого стало хуже: стены вздрогнули, и в щели пола побежали тонкие нити, похожие на чёрные волосы.

Ольга вскрикнула и поднялась на локтях.

– Они здесь.

Алексей сел рядом. Его глаза блеснули в темноте, и она поняла: он тоже это видит. Нити скользили, как живые, и каждый их шорох напоминал о цепях, которые они слышали ночью.

– Не смотри, – сказал он. – Если смотреть слишком долго, они входят внутрь.

Она опустила глаза, но чувствовала, как нити тянутся к её ногам, к её рукам. Будто сама любовь к нему втягивала её в эту паутину.

Он взял её лицо в ладони, заставил посмотреть только на него. Его губы были горячими, а дыхание – холодным, как из могильной ямы. Она знала: это неправильно. Знала, что их близость может привести к чему-то, к чему они не были готовы. Но всё равно потянулась к нему, жадно, будто голодная.

Их поцелуй был как обет: в нём не было ничего мягкого, только сила, только жажда. В зеркале шкаф дрогнул, и стекло внутри показало не их, а других – бледных, истощённых, с белыми глазами. Эти двойники занимались любовью так же, но на их телах были цепи, и каждое движение сопровождалось звоном.

Ольга оттолкнула Алексея, но он удержал её за плечи.

– Это мы? – спросила она.

– Нет, успокойся, зеркало показывает лишь один из возможных вариантов, каждое наше действие сейчас, может изменить наше будущее – ответил он.

– Но ты же не хочешь...

Он не договорил. Его лицо исказилось, и на секунду она увидела Дарью: глаза, губы, знакомый изгиб скулы. В следующий миг это исчезло, но Ольга уже знала – они втроём. И от этого желание стало ещё сильнее, как будто сама тьма толкала их друг к другу.

Она обняла его, прижалась так, будто хотела раствориться в нём. За окном раздался скрип – фонарный столб накренился, как будто не выдержал этого напряжения. На улице никто ничего не заметил. Только они знали, что темнота чувствует их страсть.

– Мне страшно, – прошептала она. – Каждую минуту рядом с тобой.

– Не бойся, – сказал он. – Пока мы вместе, мы представляем страшную силу. Никто в открытом бою с нами не захочет сражаться. А что касается всего сверхъестественного – то мы разберёмся и с этим. Только верь мне, и будь рядом.

Она заплакала. Слёзы были горячими, но, когда падали на его кожу, превращались в чёрные капли, оставлявшие следы, будто ожоги.

Он поцеловал её в глаза, слизывая слёзы, и в этот момент зеркало треснуло окончательно, осыпавшись на пол. Осколки разлетелись, и в каждом из них отражалась их сцена: двое, сплетённые вместе, и тень, что смотрела на них с улыбкой.

Ольга закрыла лицо руками.

– Мне кажется, что, всё это какой-то страшный сон – сказала она. – Всё это наше... Связка... Узел...

Алексей обнял её, и его шёпот прозвучал прямо в её голове:

– И именно потому нас никто не разлучит, это просто невозможно.

Но в глубине зеркальных осколков что-то шевельнулось – тень медальона, тот самый круглый силуэт, который она уже видела.

Она замерла, и внутри неё вспыхнула догадка: их любовь – это ключ. Но чтобы запереть дверь, нужен другой ключ. Артефакт.

В квартире было душно. Алексей открыл окно, но с улицы пахнуло гарью – кто-то жёг мусор или старые доски, и дым лёг в комнату. Ольга лежала на диване, свернувшись клубком, и смотрела в потолок. Она знала: уснуть будет трудно. Стоило закрыть глаза, как начиналось – то голоса, то чужие тени в углах.

Алексей сел рядом, провёл ладонью по её волосам. Она поймала его руку, прижала к щеке.

– Странное чувство, мне кажется, что начинается, что-то грандиозное, большое и прямо скажем не очень приятное, у тебя так же? – спросила она.

– Да, я-то же так чувствую и думаю – ответил он. – Мы должны быть готовы к любому развитию ситуации. Надо смотреть в оба по сторонам, уж очень враги у нас не простые. Да и магию никто не отменял.

Алексей встал

– Ты поспи, а я буду тебя охранять – он улыбнулся – и в этой улыбке Ольга увидела спокойствие и тишину.

Ольга закрыла глаза.

И сон пришёл сразу.

Игорь сидел на кухне, перед ним стояла полупустая бутылка коньяка и стакан, как сейчас бы сказали на половину полный. Часы на стене показывали два часа ночи, но он не спешил ложиться. Он старался переосмыслить всё увиденное сегодня. Смерть парня. Станные отражения в витрине. Исчезновение человека в трамвае. Всё это было по крайней мере странно, а по большей части просто нереальным. Но он сам это видел. Поэтому – не верить этому он не мог. Ему снилось мало – обычно кошмары, от которых просыпался в поту. Но сегодня усталость была такая, что веки тяжелели сами собой.

Он поднялся, прошёл в комнату, где всё было просто: кровать, стол, стопка книг, папки с бумагами. Лёг на спину, долго смотрел в потолок.

– Утро вечера мудренее, – пробормотал он.

Сон пришёл не рывком, а как провал. Будто матрас под ним провалился вниз, и он упал в темноту.

Сон. Древность. Рождение медальона

Лес обступил их всех троих – Ольгу, Алексея и Игоря. Они не видели друг друга, каждый шёл своей тропой, но место было одно и то же. Тяжёлый воздух, мокрая земля, запах дыма и крови.

На поляне горел костёр. Вокруг стояли люди – мужчины и женщины, в звериных масках, с копотью на лицах. У камня лежал связанный человек. Его длинные волосы были спутаны, глаза светились так, что даже сквозь ночь было видно – это не простой смертный. Колдун.

Он не кричал, не просил. Только смотрел прямо в небо, будто там был его последний собеседник.

Жрец поднял нож из чёрного камня. Толпа гудела, но не радостно – в этом гуле было больше страха, чем веры.

– Его кровь – это дверь, – сказал жрец. – Она запечатает то, что идёт за нами.

Колдун усмехнулся. Кровь уже текла по его губам – его били перед тем, как привести.

– Вы не понимаете, – сказал он. – Ничего нельзя запечатать. Всё вернётся.

Жрец не ответил. Он опустил нож.

Ольга вскрикнула во сне, но звука не было. Алексей сжал кулаки, но тело не слушалось. Костров попытался шагнуть ближе, но ноги тонули в липкой земле.

Кровь колдуна упала на медный круглый предмет, раскалённый в огне. Металл взвыл, как живое существо, и пламя стало чёрным. Колдун выгнулся, но глаза его всё ещё горели.

– Вы сделали хуже, – прошептал он, и в этот миг его тело обмякло.

Медальон сверкнул красным, и в воздухе завывало. Тени вырвались из леса, сотни, тысячи. Они метались, ломились к людям, но круг держал. Тени впивались в медальон, и металл пульсировал, будто пил их одну за другой.

Люди падали на колени. Жрец поднял артефакт над головой.

– Теперь тьма в узле!

Но Костров видел то, чего не замечали остальные. Жрец улыбался чужой улыбкой. Его глаза уже были пустыми, тёмными, и тени шевелились у него под кожей.

Алексей и Ольга знали то же самое: медальон не убил тьму. Он сделал её плотнее, ближе. Он замкнул её в круг – и в человека, который его носил.

Колдун умер, но его шёпот не исчез. Он эхом звенел у них в голове:

– Всё вернётся. Медальон всегда ищет новых.

И трое – каждый в своём сне – увидели, как медальон, горячий и живой, падает на землю. Их взгляды встретились на нём.

Сон. Средневековье. Иерусалим

Туман рассеялся – и на его месте выросли стены. Высокие, золотые от солнца, но опалённые дымом, Иерусалим стоял, как крепость и как жертва. Воздух был густ от пыли, криков и звона железа.

Алексей и Ольга оказались на холме, откуда открывался вид на город. Внизу, в долине, кипела битва. Армия Саладина штурмовала город. Сотни копий, чёрные тучи стрел, боевой гул. Красные кресты на щитах сталкивались с зелёными знамёнами, на которых золотом сияла надпись. Люди гибли каждую секунду, но земля не пила кровь – она отталкивала её, оставляя лужи, в которых отражалось небо.

Сквозь хаос шагал он. Рыцарь. Его доспехи были тяжёлые, покрытые вмятинами и бурой ржавчиной, но сияли красным, словно металл нагрелся изнутри. На груди висел медальон. Алексей сразу узнал его блеск, тот же, что был у жреца.

Костров видел, как этот человек шёл сквозь бойню, и воины расступались перед ним, не из уважения, а из ужаса. Его глаза горели мраком, лицо было искажено улыбкой, которую трудно было назвать человеческой.

Он поднял меч, и земля задрожала. Те, кто стоял рядом, падали замертво, как будто невидимая рука вырвала их души и втянула в медальон.

Воина Саладина, которые бросались на него, умирали без раны, глаза их закатывались, и изо рта вырывался чёрный дым. Крестоносцы за его спиной падали так же. Для медальона не было различия, враг или друг – он брал всех.

Алексей чувствовал, как холод разливается по венам. Ольга прижалась к нему, но её тело стало прозрачным – она видела, что медальон забирает даже их отражения.

Костров шагнул ближе, и вдруг рыцарь посмотрел прямо на него. В этом взгляде был вызов, древний и страшный, будто сам металл узнал его кровь.

– Ты... наследник... – прохрипел он на языке, которого Игорь не знал, но понял.

Рыцарь поднял медальон к небу. На миг показалось, что солнце закрылось, и город погрузился во тьму. Люди кричали, бросали оружие, падали на колени, но спасения не было. Медальон сиял, и из каждого тела вытекала тень.

Поле битвы превратилось в море чёрных силуэтов. Они стекались в круглый металл, и тот пульсировал, как сердце.

Рыцарь закричал. Его собственные люди бросились к нему, но он уже не был человеком. В его голосе звучал звон железа и вой зверей.

– Тьма! Тьма во мне!

Ольга вскрикнула, Алексей закрыл глаза. Костров почувствовал, как будто петля затянулась на его горле.

– От меня не уйти... – рыцарь смотрел прямо в него. – Ты следующий...

И в этот миг земля под телами мёртвых разверзлась. Их тени падали в яму, а медальон светился всё ярче. В небе над городом появился круг, чёрный и гладкий, как зеркало.

Они втянулись в него.

Иерусалим исчез. Крики смолкли. Тьма снова повела их дальше, сквозь время. Факелы стали свечами, башни – деревянными избами, крики войны – тихим детским плачем.

Сон. XVII век. Ведьма

Тьма, вобравшая в себя крики Иерусалима, медленно осела. Крики воинов стали плачем младенцев, звон мечей – скрипом телег, и запах крови сменился кисловатым духом трав и дыма.

Алексей, Ольга и Костров оказались на узкой деревенской улице. Крытые соломой избы стояли в ряд, у порогов горели крохотные лампы, и пламя в них колыхалось, будто знало, что здесь никто не хозяин. Воздух был густым, затхлым, и каждый вдох отдавался в лёгких сыростью.

Алексей и Ольга сразу узнали это место. Кожевники.

На площади собрались люди. У ног старухи лежал ребёнок, бледный, с открытыми глазами, но дыхание его было едва заметным. Толпа гудела, как улей: одни шептались, другие плакали.

Игорь не знал этого места. Этой деревни, и вообще всей этой истории. Но почему-то вся обстановка ему показалась знакомой. Как будто он уже это где-то видел

– Опять мор, – говорили они. – Опять души уводят.

Старуха подняла руку. На её шее висел медальон. Он потемнел, но линии на нём светились тонким красным светом, словно сосуд был живым.

Алексей с Ольгой посмотрели друг на друга и не сговариваясь произнесли – Дарья!

– Я заберу его болезнь, – сказала Дарья хриплым голосом. – Но не даром.

Ольга почувствовала, как сердце сжалось: это была не просьба, а приговор. Дарья опустилась на колени, приложила медальон к груди ребёнка. Металл засиял, и воздух в избе задрожал.

Ребёнок застонал, глаза закатились. Из рта его вырвался чёрный дым, похожий на струю пара. Он втянулся в медальон. Свет в линиях вспыхнул ярче, и на мгновение показалось, что круг распух, словно в него вошла новая жизнь.

Ребёнок вздохнул. Щёки его порозовели, дыхание стало ровным. Толпа взорвалась криками: «Жив!» – но в этих криках не было радости. Это был страх.

Ведьма поднялась. Её руки дрожали. Она хотела отстегнуть цепочку, но металл будто прирос к коже. Глаза её почернели, как у рыцаря в Иерусалиме, как у жреца в лесу.

– Тьма не отпускает, – прошептала она.

Алексей и Ольга видели, как её тело начинает меняться: пальцы вытягивались, кожа серела, будто высыхала. Она стала похожа на куклу, в которой оставили слишком мало жизни.

Костров шагнул вперёд. Он видел выражения лиц в толпе – это было ужасающе знакомо. Такой же страх он видел на фотографиях старых деревенских раскопок, в глазах мёртвых, которых находили в погребках, сидящих, как живые.

– Ты отдаёшь себя, чтобы спасти других, – произнёс голос в голове. Он не был человеческим, он был шорохом ветра в глиняных трубах.

Ольга взглянула на медальон и увидела внутри себя. Женщину. Ту же старуху, но моложе. С руками, полными трав. С глазами, где ещё горел свет. Она поняла: это могла быть она сама. Это не чужая судьба, а её отражение.

Дарья опустилась на землю. Её тело качнулось, и она упала на бок. Медальон ещё мигал красным, но в её глазах больше не было жизни. Толпа молча разошлась, уводя ребёнка. Однако она не умерла. Толпа разошлась, перед телом Дарьи осталась стоять одна женщина. Алексей не сразу узнал её. Женщина вскинула вверх руки и в воздухе начали появляться причудливые светящиеся узоры. Они были очень знакомы Алексею. Ведьминские печати. Это была молодая Агриппина. Узоры сплелись в один клубок и превратились в луч, который осветил тело Дарьи, а затем весь вошёл в её тело. Дарья глубоко вздохнула и открыла глаза.

Алексей хотел подойти, но земля под Дарьей треснула. Из разлома вытянулись чёрные руки и потащили её тело вниз. Медальон остался лежать на поверхности. Он был горячим, дышал, как живое сердце.

Костров наклонился и услышал шёпот.

– Ты нужен мне... ты будешь последним.

Он отпрянул, ударился о стену избы. Ольга вскрикнула. Алексей потянулся к ней, и в этот миг мир снова начал рассыпаться.

Деревня растворялась. Солома с крыш превращалась в обугленные балки, избы – в руины, голоса – в хриплый вой.

Сон. XX век. Война

Их снова потянуло вперёд, сквозь время.

Дым войны стелился низко, будто пытался задушить всё живое. Разрушенные дома стояли, как кости гиганта, выброшенные на пустошь. Ветер сквозил между стенами, неся запах гари, крови и сырости.

Алексей, Ольга и Костров оказались на улице, где когда-то была деревня. Теперь она лежала в руинах, с выбитыми окнами, сгоревшими крышами, с трупами, разбросанными как тряпки. На тротуаре лежал человек в форме немецкого офицера. Он не был жив, но глаза его будто продолжали следить за ними.

Медальон лежал рядом, в пыли, чуть блестя. Свет от него не был дружелюбным. Он манил, как осколок чего-то древнего, но холодного. Алексей наклонился, чтобы взять его, и в тот же миг пространство вокруг дрогнуло.

В голове раздался шёпот – хриплый, железный:

– Ты нужен мне... ты будешь последним.

Алексей одёрнул руку. Голос Дарьи внутри чётко сказал – это не твоё, не трожь! Алексей не видел Кострова, рядом стояла Ольга и смотрела на него. Почему-то в её глазах был страх.

– Ты изменился, ты на мгновение стал как одержимый, у тебя горели глаза и страшная улыбка на лице. «Что с тобой?» —спросила она

– Медальон, он завораживает и зовёт меня, Дарья запретила его брать

Игорь этого не видел. Несмотря на то, что все они втроем были там, история для каждого показывалась своя.

Костров отступил, чувствуя, как холод пробирает позвоночник. Он видел, как медальон влиял на того, кто держал его: тело напрягалось, глаза расширялись, разум подчинялся неведомому. В руинах казалось, что весь мир замер: только медальон дышал, шептал, ждал.

Игорь поднял медальон почувствовал, как рука сжимает цепь, как металл обжигает кожу. Внезапно он увидел перед глазами лица жертв: Колдуньи, колдуна, ребёнка, крестоносцев. Все они кричали одновременно и молчали одновременно.

Толпа – теперь солдаты, беженцы, сожжённые дома – слилась в одну тёмную массу. И из этой массы медальон выбрал цель. Его красный свет вспыхнул, прожигая мгновение, и страх

обрушился на немецкого офицера. Тот вскрикнул, глаза его вспыхнули ярко-зелёным огнём, тело изогнулось, и потом всё стихло.

Игорь выронил медальон, тот с глухим звуком упал на землю, но не успокоился. Он лежал на земле, горячий, живой, как прежде. Игорь не мог отвести глаз от этого магического предмета:

– Ты следующий... в голове отозвался мрачный шепчущий голос

Мир вокруг снова дрогнул. Руины начали исчезать, дым войны растворялся, и их тянуло дальше – сквозь время, к новой эпохе, к следующему кошмару.

Гул моторов, вспышки рекламных экранов, запах асфальта и бензина. Они вышли из дыма войны и оказались среди бетонных стен, стеклянных витрин, витрин, залитых неонов. Всё казалось живым, но мёртвым одновременно: люди спешили мимо, не поднимая глаз, и никто не замечал чужаков, стоявших среди толпы.

Алексей, Ольга и Костров оказались в переулке. Там было темнее, чем на улице. Контейнеры, мусор, кошки с горящими глазами. Воздух висел липкий, пахнувший плесенью и перегаром.

На земле лежал медальон. Совершенно не древний – будто только что отлитый. Гладкий, тяжёлый, с тем же узором, но линии светились теперь бело-стальным светом, холодным, как свет офисных ламп.

Ольга наклонилась и сразу отдернула руку. Металл вибрировал, как телефон в кармане, будто в нём была жизнь – или сеть, куда тянулись тысячи невидимых проводов.

– Он здесь, – прошептал Алексей. – Он прошёл весь путь. И дошел до нас.

В этот момент из тьмы вышел человек. Обычный – в пальто с капюшоном, с телефоном в руке. Он наклонился, поднял медальон и на миг застыл. Экран его телефона мигнул, вспыхнул ярко, и на нём промелькнули чужие лица. Древние. Мёртвые. Те самые.

Костров почувствовал, как сердце замерло. В этом городе, где тысячи людей сливались в поток, медальон больше не был оружием, не был даже проклятием. Он стал сетью. Каналом. Вратами.

Человек в капюшоне поднял голову с пустыми глазами, как мониторы без сигнала и прошептал:

– Вы все – часть меня.

В этот момент весь город будто откликнулся. В огнях витрин, в экранах телефонов, в отражениях окон проступили лица. Те самые – крестоносцев, ребёнка, старухи, эсэсовца. Все они смотрели прямо на Алексея, Ольгу и Кострова.

Медальон вспыхнул. Не красным, не чёрным, а белым, обжигающе чистым. Слепящим. И в этом свете они почувствовали, что мир снова рушится.

Их снова тянуло дальше – не во времени, а куда-то глубже. За пределы истории. Туда, где уже не было эпох, а была только сама сущность медальона.

Алексей открыл глаза от резкого толчка в груди, будто сердце вздрогнуло не от сна, а от чужой руки. Он сидел у окна и видимо сон, всё-таки сморил его. Комната была знакомой – тусклый утренний свет пробивался сквозь плотные облака ноября, на стекле дрожал конденсат, воздух пах сыростью и холодом от батареи, которая только начала оживать. Но в этой привычной серости что-то было чужим, как будто сама комната смотрела на них.

Ольга уже сидела на диване, обхватив плечи руками. Волосы прилипли к щекам, дыхание сбивалось. Она не отрывала взгляда от окна, где отражение стекла будто на секунду задерживало её образ дольше, чем нужно.

– Я сейчас видела странный сон, будто пронеслась через века, и ты тоже там был? – её голос был хриплым, усталым, как после крика.

Алексей медленно поднялся, протирая лицо ладонями.

– Рыцарь, немцы, Кожевники... ребёнок... и этот человек. В капюшоне. Он поднял медальон.

Ольга резко повернулась к нему.

– Значит, это не сон. Раз мы оба видели одно и то же... – она сглотнула. – Он вещий.

В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только гулом батареи. За окном шуршал ветер, гоняя мокрые листья, и это шуршание казалось шёпотом.

– Я думаю нам специально это показали – и я чувствовал, что мы там были не одни зрители. Это занимательное историческое кино, смотрел ещё кто-то. Не такой как мы, но видимо очень нужный человек, раз эту плёнку прокрутили и для него.

Ольга опустила взгляд. В её глазах отражался страх, но и понимание.

– Орден наверняка знает, что это за медальон. Они знают про таких, как мы. Но этот в капюшоне – он не из них. Это что-то ещё. Сильнее, чем Орден. Сильнее, чем мы. Какая-то другая сила. Совсем другая. Я это чувствую.

Алексей подошёл ближе, сел рядом.

– Значит мы должны разобраться. Найти его, понять, чего он хочет. Иначе он будет играть с нами, как с куклами.

Ольга покачала головой.

– Просто прийти к Ордену – мы не можем. Они ищут нас, чтобы убить. Но... если он существует, они должны знать, кто он. В хрониках, в записях. Где-то у них есть ответы.

Алексей тяжело вздохнул, сжал её ладонь.

– Я пока до конца не понимаю, но в одном уверен, мы оказались между Орденом и этим странным персонажем в капюшоне. И надо понять, он нам враг или друг. Или у нас теперь два врага.

– Не врага, Лёша. Две силы. А мы – третья. И пока не поймём, каково наше место в этой иерархии... действовать будем осторожно.

Снаружи ударил порыв ветра. Стекло задрожало, и на миг в отражении окна они оба увидели фигуру в капюшоне. Лицо было скрыто, но глаза сверкнули белым, как у тех, кого медальон уже коснулся.

Ольга вздрогнула, Алексей рванул штору, и видение исчезло.

Они сидели в тишине. Каждый в голове ещё раз прокручивал увиденное. Начало ноября только вступало в свои права – холод, серая сырость, вечный сумрак. Просто идеальное время года для всего, что творилось вокруг них в последнее время.

Костров проснулся так, будто его выдернули из ледяной воды. Горло пересохло, голова ныла, в груди неприятно тянуло. Он сел, обхватил лицо ладонями и какое-то время просто сидел, слушая гул батареи и далёкий грохот машин за окном.

Комната встречала его привычным ноябрьским холодком: старые обои с пятнами сырости, кружка с окурками на подоконнике, в углу – пальто, пахнущее табаком и дождём. Всё знакомое. Всё обычное. И только внутри оставалось ощущение чужого, липкого.

«Чёрт бы его побрал...» – подумал он, вспоминая сон.

Деревня, будто из старых книжек про ведьм. Ребёнок на земле, старуха с медальоном, красный свет, чёрный дым, люди с глазами мёртвых. А потом – город. Взрыв света, и человек в капюшоне, лицо которого никак не получалось вспомнить, будто оно нарочно стиралось из памяти.

Костров мотнул головой, вздохнул, потянулся за бутылкой на тумбочке. В горле обожгло остатками коньяка. Он скривился.

– Ну точно, палёный, – пробормотал вслух. – Хрень в голову лезет.

Он встал, закурил, глядя в мутное ноябрьское окно. Снег ещё не лёг, но сырость стояла такая, что казалось, будто стены дышат плесенью.

Костров сделал затяжку и усмехнулся сам себе.

– Сны, мать их... Старухи, медальоны, чёрные руки из земли... Тоже мне, кино Хичкока. Он выдохнул дым и снова посмотрел в стекло. И на секунду ему показалось, что в отражении окна стоит кто-то в капюшоне. Тень, без лица. Белый свет – вспышка. Он моргнул, и видение исчезло.

Костров сжал зубы, провёл ладонью по лицу.

– Нервы. «Точно нервы», — сказал он. – А может, всё-таки коньяк.

Он бросил окурок в кружку, вернулся на кровать и лёг, уставившись в потолок. Но сон уже не шёл. Внутри оставалось неприятное чувство: будто то, что он видел, было не просто его пьяной фантазией. Будто это был кусок чужой истории, в которую его зачем-то втянули.

И Костров впервые за долгое время почувствовал, что обычная жизнь – с её сигаретами, дешевым коньяком и воспоминаниями о старой пуле в бедре – может оказаться куда безопаснее, чем то, что ждёт его впереди.

Раннее тёмное утро в начале ноября было тягучим и туманным. Небо низко нависло над городом, словно старое олово, а луна, ещё видневшаяся на небе, пряталась за облаками, будто не решалась смотреть на то, что происходило внизу. У дома Кострова стояла тишина, но не обычная – вычищенная, будто кто-то вычеркнул из неё звуки: ни шагов прохожих, ни рёва машин, ни далёкого лая собак.

На углу, напротив окон, стоял человек в длинном тёмном пальто. Капюшон скрывал лицо, и казалось, что под ним нет ничего, кроме пустоты. Его силуэт был неподвижен, но воздух вокруг колыхался, как от жара костра, хотя ночь была холодной.

Старый фонарь над тротуаром мигал, словно задыхался. Его свет не освещал фигуру, напротив – тонул в ней. И каждый раз, когда лампа вспыхивала, казалось, что капюшон чуть приподнят, и под ним блеск – белёсый, нечеловеческий.

Вдруг на крыше дома загромыхали крылья. Чёрные птицы – слишком большие для ворон, с кривыми клювами и блестящими глазами – уселись вдоль карниза. Они смотрели вниз, и их головы поворачивались одновременно, точно по команде. Иногда одна из птиц раскрывала клюв, но вместо крика вырывался хриплый шёпот, похожий на шорох мёртвых листьев.

Окно квартиры Кострова светилось тусклым жёлтым светом. Человек в капюшоне не двигался, только смотрел. Смотрел так, будто взгляд его проникал сквозь стены, сквозь плоть, до самого сердца.

Ветер внезапно поднял уличный мусор, закружил сухие листья и обрывки газет. Газета прижалась к его ноге, и слова на ней на миг вспыхнули красным, хотя вокруг не было огня.

Птицы взметнулись, завращавшись в воздухе, как чёрный водоворот. Костров в своей комнате не слышал этого, но ему стало вдруг холодно, и он натянул одеяло выше, ворча и проклиная магазин у дома с палёным коньяком.

А человек в капюшоне медленно поднял голову к окнам. Лампа фонаря погасла, и весь квартал утонул в темноте. Когда через секунду она снова дрогнула и зажглась, на асфальте напротив дома уже никого не было.

Только на стекле машины, припаркованной у обочины, проступил отпечаток. Сначала туманное пятно, а потом – очертания лица. Белые глаза. Улыбка.

Глава 2

Зал, где собирались старшие Ордена, находился глубоко под землёй, в подвале бывшего монастыря. Когда-то здесь хранили вино и зерно, теперь – только тьму, камень и запах гари. Своды были мокрыми, на камнях проступала плесень, а в углу капала вода. Время от времени по своду пробегала крыса, и её глаза блеснули красным, словно отражая чужой огонь.

В центре – длинный стол из тёмного дерева, треснувший и скрипящий при каждом движении. Вдоль стен – свечи, поставленные в ржавые подсвечники. Но свечи горели как-то неправильно: пламя у них било вниз, а тень ложилась не туда, куда должна.

Великий Инквизитор сидел во главе стола. В его руках был тяжёлый серебряный крест, он постукивал им по дереву, и каждый звук отдавался, как молоток по крышке гроба. Лицо его оставалось неподвижным, только глаза бегали, будто искали что-то невидимое.

Рядом с ним Архимаг Теренций, согбенный, с белыми волосами, которые, казалось, давно должны были выпасть. Он держал в руках книжицу в кожаном переплёте и иногда шевелил губами, словно спорил сам с собой.

Архивариус сидела напротив, в перчатках, уткнувшись в бумаги. Она выглядела так, будто вообще не дышала. Её белые глаза цепляли каждого, кто встречал их взгляд, и от этого становилось не по себе.

Ингрид – сухая, собранная, в чёрной куртке, больше похожей на армейскую, чем на монашескую рясу. Она сидела, закинув ногу на ногу, и смотрела на остальных снисходительно, будто на провинившихся школьников.

И Карающий, как всегда, молчал. Его металлическая маска тускло поблёскивала в свете свечей, а огромные руки лежали на коленях, неподвижные, как каменные.

Первые минуты все молчали. Только звук капли, падающей в лужицу в углу, да далёкий вой ветра в трубах.

Инквизитор наконец поднял голову.

– Мы все знаем, почему здесь, – сказал он. Голос был хриплый, но твёрдый. – Дарья. Точнее, то, что от неё осталось.

Теренций скривился.

– От неё осталась лишь тень. Но тень, которая слишком много знает.

Ингрид подалась вперёд:

– Не просто тень. Она сказала: «Рассказчик назвал имя». А это значит – кто-то посторонний вплёлся в игру.

Архивариус тихо усмехнулась. Её усмешка прозвучала, как скрип гвоздя по стеклу.

– Вплёлся? Да он, мать его, переписал половину правил. Алексей и Ольга сделали узел, который нам не развязать. И теперь кто-то третий водит нас за нос.

– Тварь, – неожиданно сказал Теренций, хлопнув книгой по столу. – Двадцать лет я трагил, чтобы подготовить эти грёбанные печати. Двадцать лет! А теперь приходит какой-то «Рассказчик» и просто... берёт всё в руки.

Маска Карающего скрипнула, будто металл сжал зубы.

Инквизитор медленно положил крест на стол.

– Значит, у нас два выхода, – сказал он. – Первый: убить мальчишку и девчонку, пока узел не затянулся окончательно. Второй: найти и уничтожить эту третью силу.

– Оба варианта звучат как полная чушь, – холодно заметила Ингрид. – Если убьём их – узел, может, и развяжется. А если нет? Если Рассказчик использует смерть как топливо?

– А если полезем на него сами, – добавил Архивариус, – то, может, не вылезем обратно. Мы даже не понимаем, что он такое. Человек? Призрак? Бог?

Тишина снова легла на зал, как влажное покрывало.

Инквизитор постучал крестом.

– Вы хотите жить? Или сдохнуть в том апокалипсисе, что он готовит?

Никто не ответил сразу. Даже свечи будто погасли на миг и снова зажглись.

– Вы хотите жить? Или сдохнуть в том апокалипсисе, что он готовит? – повторил Инквизитор, как будто ставил последнюю точку. Но точка ещё не легла – и это ощущали все.

Тишина натянулась, как струна. Она звенела от собственного напряжения. Теренций обвел взглядом бумажки на столе, затем с досадой оттолкнул одну печать в сторону и фыркнул.

– Никто из нас не собирается умирать «просто так», – сказал он. – Но ты говоришь про выбор, как будто всё просто. Мы стоим перед дилеммой: рубить корни или гнаться за тенью. И то, и другое – риск. И то, и другое может нас похоронить.

Ингрид вздохнула, медленно, до хрипоты.

– Расслабься с речами о долге, Теренций. Я не пошлю своих людей умирать ради чьей-то красивой истории. Если мы рубим Алексея и Ольгу – мы решаем задачу тупо и грязно. Если идём на Рассказчика – нам нужна реальная информация. А её нет. Только слухи и шепот Дарьи у нас в голове

– Слухи – это тоже поле боя, – вмешалась Архивариус, не отрывая глаз от стопки листов. – В 2025 году информация – это броня и нож. Мы можем подставить, мы можем подшить, мы можем заставить СМИ забыть. Мы – не средневековая секта, мы – машина. Только скажите, и я дам вам карты: кто прочитал, где их следы, что они искали в сети, чьими контактами пользовались.

Теренций усмехнулся.

– Ах да, великий Архивариус, вся в своих архивах. Ты всегда говоришь о бумагах, как о спасении. Но бумага не потушит того, что он вызывает. Он путает реальность. Его поле – не только слова, а способ быть в словах. Словом можно резать, словом можно лечить, но тут слово само по себе – оружие другого порядка.

Карающий наконец заговорил. Он говорил не часто, но, когда говорил – в зале делалось холодно. Его голос был плоским, как железо.

– Ликвидируйте двух – узел распадётся. Это проще. Это – дело рук.

Ингрид фыркнула:

– «Просто» ... Слушай, железяка, ты говоришь, как будто можно отделить мораль от дела. Мы не просто бросим двух людей в реку и забудем – это не наш метод, если мы хотим сохранить хоть каплю совести. И – да – я боюсь, что у Рассказчика другое топливо. Если он питается историей, смерть может лишь подпитать его сильнее. Это не работает.

Архивариус смотрела на них как на детей, с усталой снисходительностью.

– У нас нет моральной дилеммы, – сказала она. – Есть задача: спасти мир, какой мы знаем. Если ради этого придётся упаковать двоих в ящик – упакуем. Но сначала – логика. Где они? Что они знают? И на сколько увеличались их силы с нашего последнего с ними randevu в Кожевниках?

Теренций отрезал, не сдерживаясь:

– Логика? Ты говоришь про логику как о патологии. Знаешь, что меня убивает? Что мы – учёные и палачи одновременно. Но можно сделать хитрее. Мы можем не просто убить – мы можем заставить их сделать шаг в нужную сторону.

– Как? – Ингрид наклонилась. – Ты предлагаешь провести театральную постановку ради двух жизней? У нас нет времени на пьесы.

– Не пьесу. Контригру. Мы делаем так, чтобы Рассказчик вышел на свет. Пусть сам лезет в ловушку. Если он так любит рассказы – подарим ему один, где мы – режиссёры, а он – глупый герой, который решил стать богом.

Инквизитор впервые за всю встречу улыбнулся (это было не улыбка, а эстетическое сокращение мышц).

– Довольно красиво, – сказал он. – Ты предлагаешь расставить приманки. Заставить героя прийти за добычей. Слово – приманка. История – сеть. Но кто будет вести это? Кто сплетёт ложь так, чтобы её проглотил он?

Архивариус поджала губы и, не отрываясь, достала небольшой портфель. Она открыл его и вытащила планшет – современный, с отпечатком пальца и экраном, где всё видно, как на ладони.

– Сеть – моё поле. Соцсети, стримы, ленты – всё это я могу превратить в эхо. Я могу сделать так, чтобы «случайные» люди начали говорить про тех, кого видели в отражениях. Я могу разнести слухи, которые найдут отклик у того, кто читает слова как угощение. Сделаем волну памяти. Он почует её и придёт проверить. Людям, которые смотрят на экран, это будет всего лишь городской скандал. А для него – приглашение.

– Ты хочешь выкатить их на публику? – возразила Ингрид. – Это бред. Они не публичные люди.

– Именно, – сказала Архивариус. – Пусть почувствуют давление. Мы не делаем их героями – мы делаем их наживкой: больной слух, случайная утечка, ролик с отражением. Люди посмотрят – и кто-то из них передаст не то, не туда. Рассказчик, который охотится на истории, не устоит.

Тишина снова всплыла. Карающий вздохнул, и звон металлической маски прозвучал как узнаваемая поганая нота на фортепиано.

– И, если он откажется? – спросил он. – Если он не придёт?

– Тогда резать и гореть, – сухо сказал Инквизитор. – Что ж. У нас есть запасной план.

Теренций, который до этого мгновенно ломал идеи в голове, вдруг сказал тихо, почти по секрету:

– Но кто будет нашим «Рассказчиком»? Кто расскажет эту историю так, чтобы она стала реальной для того, кто язык – его оружие? Нам нужен проводник. Тот, кто может называть имена и давать смысл. Мы не знаем, насколько он умеет читать людей. Нам нужен человек, который понимает, как устроены их умы. Кто-то из «старой школы», но живой и ловкий.

Ингрид усмехнулась – это было почти одобрение.

– У нас есть тот, кто может работать с людьми. Не умирать, а заставлять. Мы можем использовать бывших. Людей, у которых есть вкус к манипуляции. Мы наймём его.

– Или её, – поправила Архивариус.

– Да, – ответил Инквизитор. – Но я не хочу использовать силу людей управляющих миром в своей голове, при этом сидящих на шестиметровой кухне. Нужно что-то более тонкое, не грубая приманка. Этот Рассказчик – не глуп. Он читает смысл в шуме. Мы должны показывать не шум, а смысл.

Теренций постукивал пальцами по обложке книги, слушая, как стук отдается по столу.

– Тогда делаем так, – сказал он. – Два фронта. Архивариус – сеть, Ингрид – оперативная часть, я – ритуалы поддержания. Карающий – резерв, и пусть он держит в уме план «убить», если улика выйдет из-под контроля. Инквизитор – моральная ответственность и финальный приговор.

– Кто будет держать контакт с «проводником»? – спросила Архивариус.

– Я, – сказал Инквизитор. Его голос стал взвешенным, как плита. – Я не доверяю никому в этом зале на сто процентов. Никому. Но я готов доверить это делу человеку, который умеет слушать и ждать. Мы сделаем так, чтобы он поверил, что мы – просто ещё одни рассказчики в толпе.

– И что дальше? – спросила Ингрид. – Мы выдумываем повод, приманиваем Рассказчика, и что, затем толпа сама разберётся? Мы ловим его в сеть?

– Мы создаём сетку, которая выглядит правдоподобно, – пояснила Архивариус. – Мы сделаем так, чтобы тот, кто живёт в рассказах, почувствовал вкус. А дальше он сам начнёт творить, и когда станет видно, что он пришёл – мы ударим. И да, удар будет роковым.

– А если он вообще не реагирует на приманку? – снова спросил Карающий, и в его голосе прозвучала усталость. – Мы останемся с двумя трупами и горой провалов.

– Тогда мы убиваем целиком и без зрелищ, – сказал Инквизитор. – И живём в остатке мира, тихо пытаясь лечить то, что останется.

Теренций встал, пошёл к окну зала и посмотрел вверх. Через узкое окошко, уставленное решёткой, виднелась лента неоновых реклам и обрывки дождя. За этим миром было настоящее, холодная и шумная осень 2025 года. Он сказал, глядя не на них, а как будто сквозь них:

– Мы живём в век информации, и это – наш добрый враг и друг. Мы должны играть на поле, где работают алгоритмы, тренды и шорохи. Не факт, что Рассказчик – человек. Но факт, что он реагирует на слово. Мы дадим ему слово, сделаем его носителем, и посмотрим, что произойдёт.

Архивариус закрыла планшет и положила его на стол. Свет экрана мигнул, как будто умиряя тьму вокруг.

– Я могу начать уже сегодня, – сказала она. – В сети есть ребята, которые продадут любое видео за деньги. Мы сделаем «случайный» ролик. Мы расшевелим свидетелей. Мы посадим слухи в глазах людей. Это не блеф – это операция.

Ингрид коротко кивнула.

– Тогда берёмся. Но у нас должен быть план «на всякий случай». Если этот Рассказчик – больше, чем мы думаем, и, если он воспользуется смертью – нам нужно быть готовы стереть последствия. Это значит – укрытие, смена района, и, если придётся, – уничтожение доказательств.

И вот здесь разговор перешёл в техническую плоскость: список людей, доступы, кодовые каналы, банковские переводы, безопасные комнаты в трёх городах, отряда Карающего наготове. Старая готическая церемония преобразилась в дежурный штаб современных спецслужб. Они обсуждали не свечи и печати, а VPN, прокси, поддельные аккаунты и удалённые серверы. Казалось, Орден научился жить в новом мире – и использует его, как нож.

То, что произошло в Кожевниках, уже не могло существовать в современном цифровом мире. Это надо было признать ранее, но не хотелось, и теперь они имели то, что имели.

– Мы не можем позволить, чтобы всё это стало публичным, – мрачно заметил Теренций. – И ещё: кто со мной пойдёт на ритуал? Это то, что меня волнует. Нам нужен акт. Не шоу, не дешёвый театр. Нам нужен ритуал, который вытянет энергию. Это не просто слова – нужно, чтобы узел почувствовал, что его трогают.

– Ритуал будет, – ответил Инквизитор. – Но не сейчас. Сначала сеть. Сначала приманка.

Архивариус встала и, к удивлению, всех, улыбнулась – того странного, маленького движения, которое у неё редко выходило. Улыбка была не радостная, а расчётливая.

– Начинаю сегодня вечером, – сказала она. – И, если кто-то из вас думает, что это просто игра с картинками – ошибаетесь. У нас есть доступ к трансляциям, к агентам на улицах. Я заставлю людей подумать, что они видели что-то, что на самом деле увидел Рассказчик. Он не устоит.

И тут в зале на мгновение стало холоднее. Каждый прислушался – и в темноте под сводом, где капала вода, что-то шевельнулось. Казалось, даже крысы затихли.

Инквизитор встал, и в движении его была окончательная решимость. Он положил ладонь на стол и, будто подводя итог, сказал:

– Значит, мы действуем по плану. Архивариус – сеть. Ингрид – операции. Теренций – ритуалы. Карающий – резерв. Я – финал и приказ. И помните: мы не играем в богов. Мы просто делаем то, что необходимо. Не больше. Не меньше.

Кто-то из присутствующих пробормотал: «Пусть попробует», и смех этот был сухой, как ломкий старый хлеб. Казалось, в этом смехе была и надежда, и отчаяние.

Тишина затянулась уже не так остро. Свечи дрогнули, и из темноты донёсся едва слышимый звук – как будто кто-то читал вслух несуществующую строчку. Никто не мог сказать, откуда он, но все ощутили, как сердце на мгновение замерло. Инквизитор сжал кулак, и его пальцы побелели.

– Будьте осторожны, – сказал он шепотом. – И не давайте этому – как бы его ни звали – ни единого повода думать, что он с нами играет.

Архивариус кивнула, но её глаза метнулись к двери, к тонкому прямоугольнику, где одна плитка на стене была чуть темнее. Она не проговорила, но у всех возникло ощущение – что шаги уже идут; что слушатель оказался ближе, чем они думали.

И тогда, в ту самую секунду, где каждая тень сплеталась в одну нить, из щели в стене медленно выскользнуло нечто, похожее на дым. Оно собрало воедино все швы тишины, как нитки, и, прежде чем кто-то успел пошевелиться, в углу, под самым потолком, глаза, белые и холодные, смотрели на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.